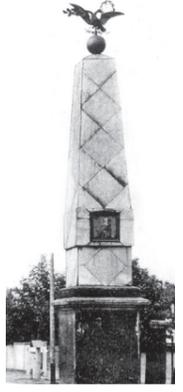

ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Правда для правды, а не для красоты!
(Фёдор Достоевский)

ИМЕЕТСЯ ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ: ДАННОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ
ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ (16+)

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
Пермской краевой общественной организации Союза писателей России
при поддержке Министерства культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края

№ 2 (20)
8 апреля 2016 года

[литературные вести]

■ РУССКИЙ МИР

ГОД РОССИЙСКОГО
КИНО 2016

ФЕСТИВАЛЬ «ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ В ПЕРМИ»: КОНКРЕТИКА ДЕВИЗА

«...Русский я.
Я буду третьим.
Где двоих ещё найти?»
Анатолий Гребнев

Николай БАПШАКОВ
Союз писателей России,
Пермский край

Фестиваль (проходил 23–27 марта 2016 года), его название, тема и девиз уже говорят о том, что русское самосознание просыпается, Русский мир крепнет.

Тот путь развития, которым идёт земная цивилизация, очевидно ошибочен. Человек в условиях непрерывно развивающегося технического прогресса не стал лучше. Разум победил животное начало в области техники, а в духовной сфере всё сильнее побеждает рабская психология. Психология животного. Большинство людей живёт исключительно для удовлетворения физических потребностей и ради развлечений. Такой путь развития вполне устраивает тех, кто правит земным миром. Но их совершенно не устраивает высокая духовность, которая ещё сохранилась в Русском мире.

Мы часто употребляем выражение «Русский мир», не задумываясь, что оно означает. Слово «русский» относим к коренной национальности, которую правильнее будет называть Руссами или Великороссами. Русский – отвечает на вопрос «какой?» Это не этническое понятие. Оно характеризует мировоззрение. Не важно, какой ты национальности и к какому принадлежишь племени и народу, если мыслишь и живёшь по-русски, ТЫ – РУССКИЙ! Поэтому Запад не делит нас на национальности. Для них мы все русские, то есть люди с иным, отличным от западного мира мировоззрением.

Противостояние Западного мира с Русским длится много веков. Противник делал всё, чтобы мы забыли, что мы русские, что мы славяне, то есть люди, славившие своих Богов. И мы многое забыли. Сегодня, чтобы вернуться к духовным корням предков и укрепить Русский мир, предстоит коренной поворот в сознании. Остановилось только на трёх направлениях.

Первое направление. Необходимо восстановить истинную историю Руси, мораль и духовные заповеди наших предков. У русских сильная генетика, но мы очень доверчивы. Поэтому историю нам легко подменили.

Историю, которую мы признаём за официальную, при Романовых написали немцы: Готлиб Байер, Герард Миллер, Август Шлёцер, Арист Куник. Двое из них совсем не знали русского языка. Даже «Историю Российскую с самых древних времён» Татищева и книгу по истории Ломоносова правил и издавал после смерти авторов Герард Миллер.

К слову сказать, переписана не только история Руси, но и всего человечества. Уничтожение рукописей, летописей и артефактов, которые не укладываются в официальную версию, ведётся не первое тысячелетие.

Окончание на стр. 2. ►

■ СЛОВО РОССИИ

ЭТО СНОВА НЕБЕСНАЯ БИТВА

ШУКА

Ворюга! Сегодня ты пьёшь из горла.
Трубят твои медные трубы.
Державная шука навек умерла.
Остались ракетные зубы.

Не зарься на русский великий покой,
Пусть он остаётся за нами.
Пусть шука издохла. Не трогай рукой,
А то она клацнет зубами.

ПРИЗЫВ

Туман остался от России
Да грай вороний от Москвы.
Ещё покамест мы живые,
Но мы последние, увы.

Шагнули в бездну мы с порога
И очутились на войне,
И услышали голос Бога:
– Ко Мне, последние! Ко Мне!

Что мы делаем, добрые люди?
Неужели во имя любви
По своим из тяжёлых орудий
Бьют свои... неужели свои?

Не спасает ни чох, ни молитва,
Тени ада польхнут в Кремле.
Это снова небесная битва
Отразилась на русской земле.

Юрий КУЗНЕЦОВ
Союз писателей СССР/
России

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шёл отец, шёл отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым –
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернёт...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идёт
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука –
Фронтные.

Всякий раз, когда мать его ждёт, –
Через поле и пашню
Столб клубящейся пыли бредёт,
Одинокий и страшный.

Поэзия есть свет, а мы пестры...
В день Пушкина я вижу ясно землю,
В ночь Лермонтова – звёздные миры.
Как жизнь одну, три времени приемлю.

Я знаю, где-то в сумерках святых
Горит моё разбитое оконце,
Где просияет мой последний стих,
И вместо точки я поставлю солнце.

■ ЛИТЕРАТУРНЫЙ С.П.РОСС

АВТОРУ – ДОРОГУ

Книга для писателя — всегда результат труда: долгого, часто мучительного, лишь иногда счастливого. Книга для читателя — всегда открытие, некий источник: знаний, сравнений, эмоций...

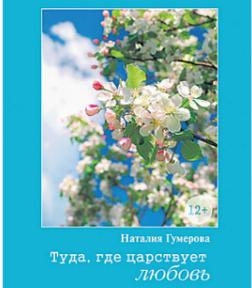

Михаил Давыдов
Далёкая звезда

В конце 2015 года Пермская краевая организация Союза писателей России запустила в свет новую серию книг для авторов, публиковавшихся в альманахе «Литературная Пермь» — «Библиотечка альманаха «Литературная Пермь».

Первый том — сборник стихов пермского писателя, врача и педагога Михаила Ивановича Давыдова «Далёкая звезда». Отзыв о книге можно прочитать в газете «Пермский писатель» № 1 (19) за 2016 год.

Второй том, вышедший в начале 2016 года, — сборник стихов пермского автора Натальи Гумеровой. В предисловии к книге пермский поэт и руководитель литературной студии «Тропа» Фёдор Сергеевич Востриков сказал: «Мне всегда приятней работать с теми молодыми авторами из литературной «Тропы», которые много читают классическую и современную литературу зарубежья, России и Пермского края, прислушиваются к замечаниям и советам, к подсказкам и детальным разборам своих произведений. Как правило, такие авторы, улучшая и углубляя свои творения, со временем, несомненно, быстрее и ярче растут творчески. К ним я, конечно, отношу и Наталью Гумерову».

Наталья Гумерова
Туда, где царствует любовь

Имя детского писателя Андрея Сергеевича Зеленина давно известно за пределами Пермского края. Его книги издаются чаще всего в Екатеринбурге, но рождаются всё-таки на пермской земле и входят в пермские серии книг. Начало 2016 года Андрей Сергеевич отметил очередным детищем — в серии книг для детей и юношества «Пермская Бука» (том третий) вышли две повести, объединённые общей обложкой и названием «Про Петьку Ёжикова, или Дед Мороз был настоящим». Первое произведение «Повесть про Петьку Ёжикова из третьего «б», или Коты тоже умеют разговаривать» в своё время выходило отдельным изданием и заслужило искреннюю читательскую признательность — книга в библиотеках зачитана (порой реально) до дыр. В продолжении «Дед Мороз был настоящим, или Новая повесть

про третьеклассника Петьку Ёжикова и его друзей» — такой же приключенческой и сказочной повести, как первая — юные и взрослые читатели также не разочаруются, — книга настолько захватывает, что читается буквально на одном дыхании.

Хочется пожелать пермским писателям и Пермской краевой организации Союза писателей России больше новых книг, изданных как в сериях, так и отдельными сборниками — разных: прозаических, поэтических, детских, литературоведческих — самое главное: настоящих источников знаний и чувств.

Анна СНЕГИНА, г. Пермь

■ ДОСТОЕВСКИЙ В ПЕРМИ

Владимир ГЛАДЫШЕВ
Союз писателей России,
г. Пермь

«...И ТАИНСТВЕННАЯ СУДЬБА В НЕЙ»

навстречу 195-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского

Городской топонимический совет принял решение о переименовании улицы 2-й Луначарской в улицу имени писателя Фёдора Михайловича Достоевского.

Первое посещение Достоевским Перми случилось в январе 1850 года. По пути туда – это в Сибирь, на каторжные работы, которыми была заменена смертная казнь. Столь суровая кара последовала Федору Михайловичу за участие в антиправительственном кружке Петрашевского.

В чём же заключалось его преступле-

ние, чтобы получить такое страшное наказание?

Достоевского судили как политического преступника и даже как «одного из важнейших петрашевцев». Как известно, он оказался в числе тех членов кружка Петрашевского (21 человек), которых приговорили к расстрелу за чтение противоправительственных сочинений. Расстрел был заменён в день казни разными сроками каторги и ссылки. Четыре года писатель провёл в каторжной тюрьме Омска, затем пять с половиной лет – в Семипалатинске (сначала солдатом, потом унтер-офицером), без права выезда.

Важность этих лет, впечатлений и встреч доказана, в сущности, самим Достоевским, неоднократно писавшим о формировании литературных замыслов в это время. Опираясь, в частности, на письма Фёдора Михайловича, советский литературовед, академик П. Н. Сакулин писал: «Не будет преувеличением сказать, что всё зрелое творчество Достоевского корнями своими уходит в годы каторги и ссылки, когда перед художником-мыслителем во всей сложности встали вопросы русской жизни и трагически обнажились бездны человеческого бытия».

В правоте этих слов убеждаешься, когда читаешь письма писателя, или его произведения «Записки из мёртвого

дома» и ряд других.

Сохранились ли какие-то подробности пребывания писателя в Пермской губернии?

Нужно представить, что это такое – путешествие невольника, в кандалах весом 10 фунтов, это около пяти кг (для сравнения: оковы знаменитого нырбского узника боярина Михаила Никитича Романова весили около двух пудов, это более 30 кг). Да ещё нужно учесть, что передвигаться Достоевскому пришлось в жуткий холод, в ту зиму – до срока градусов. Тоска и тяжесть на душе. В письме брату Михаилу (написанном только спустя четыре года, по окончании каторжного срока, раньше писать было нельзя) писатель признаётся: «...Мы мерзли ужасно. Одеты мы были тепло, но просидеть, например, часов 10, не выходя из кибитки, было почти невыносимо. Я промерзал до сердца... Грустная была минута переезда через Урал. Лошади и кибитка завязли в сугробах. Была метель. Мы вышли из повозок, это было ночью, и стоя ожидали, покамест выгатают повозки. Кругом снег, метель, граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба в ней, позади всё прошедшее – грустно было, и меня прошибли слёзы...»

Перечитаем эти отчаянные строки: «Впереди Сибирь, и таинственная судьба в ней, позади...» Столь горькие впечатле-

ния не могли не отразиться в его творчестве. Героиня романа «Униженные и оскорблённые» говорит: «Место-то ему, Иван Петрович, выходит, только как подумаю, что в Перми, так и захоленет у меня на душе».

Однако писатель пережил и светлые впечатления от пермских краёв. Возвращаясь из Сибири в июле 1859 года, Фёдор Михайлович написал своему верному другу А. И. Гейбовичу поистине неожиданные слова: «...Великолепные леса пермские и потом вятские – совершенство. Но в Перми уже мало замечаешь пустырей по дорогам: всё запахано, всё обработано, всё ценится. Так, по крайней мере, мне показалось... В один прекрасный вечер, часов в пять пополудни, скитаясь в отрогах Урала, среди лесу, мы набрали наконец на границу Европы и Азии. Превосходный поставлен столб с надписями, и при нём в избе инвалид. Мы вышли из тарангаса, и я перекрестился, что привёл, наконец, Господь увидеть обетованную землю...»

Опять Урал, только летний, и снова граница Европы и Азии, но восприятие «мизансцены» уже совершенно иное, чем в первый раз, просто полярное. По-человечески это вполне объяснимо. Путешественники ждут манящие дали, открываются потрясающие перспективы, он может гулять на свободе, в лесу, со-

■ РУССКИЙ МИР

ФЕСТИВАЛЬ «ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ В ПЕРМИ»: КОНКРЕТИКА ДЕВИЗА

◀ Окончание. Начало на стр. 1.

Один только пример – книгосожжение. Это отнюдь не изобретение бесноватого Питлера. В своё время были уничтожены:

- Протошумерская библиотека в Вавилоне;
- кладовые папирусов в Фивах и Мемфисе;
- Этрская библиотека в Риме;
- храм-капище в Афинах;
- громадная библиотека в Царьграде (Константинополе).

Полгода топили книгами бани в Александрии (Египет). Там сожгли 700 тысяч книг, многие были в единственном экземпляре!

На Руси бесследно исчезли библиотеки Ярослава Мудрого и Ивана Грозного!

Уничтожены письменные источники в Китае!

В Америке – письмена майя, инков и ацтеков!

Не прекращается книгосожжение и по сей день. Не только в Ираке и Сирии. Не так давно сгорела крупнейшая библиотека в Москве.

Вдумайтесь: сколько исчезло вместе с книгами сведений о реальной истории! А ведь уничтожалась и культура! Конечно, что-то сохранилось. К примеру, Велесова книга, Веды, кое-какие летописи, артефакты. Они и указывают на подмену истории.

Один пример. Сегодня мы верим в то, что наши предки были дикими варварами, а Русь существует чуть более тысячелетия.

А вот римский врач и астролог Парацельс в своих «Оракулах» – 500 лет назад – пишет: «Есть один народ, который Геродот называл гиперборейями – прародителями всех народов и всех земных цивилизаций... Нынешнее название исконной земли этого древнего народа – Московия».

Парацельса считают предсказателем. Он предсказал: «Московия возвысится над всеми государствами. Не рукой, но душой она спасёт мир».

Другой факт. При Петре Первом на Руси было отменено старое летоисчисление. Оно велось нашими предками от самой большой войны с Аримией, страной Дракона (ныне Китай). Тогда наши предки одержали Великую Победу, в честь которой появилась эмблема: Витязь поражает копьём Дракона. (Позднее переделали – теперь Георгий Победоносец поражает Змея). От «Сотворения (иначе говоря, заключения. – Прим. автора) Мира в Звёздном Храме» с этой страной Дракона и велось летоисчисление на Руси.

Сейчас у нас был бы семь тысяч пятисот двадцать четвёртый год.

Египетских пирамид ещё не было, а «дикие племена и варвары» уже вели точное летоисчисление. Этого никак не скроешь. Как не скроешь и того, что алфавит

наших предков был богаче, чем современный. И их календарь Даарийский круголёт Числобога – точнее Григорианского. А раз скрыть нельзя, всё это просто отметили или реформировали.

Второе направление. Укрепление Русского мира – защита Православия.

В духовном плане у Православия много заслуг. Оно помогало сохранять здоровую мораль, душу народа, удерживало от грехопадения и защищало людей от соблазнов и влияния тёмной стороны.

В этом немалая заслуга Сергия Радонежского и его сподвижников. Они не просто внесли в христианство правовую веру народа и культ старых богов, но и сохранили многие народные традиции. И хотя позднее Православие подверглось реформам, из-за чего произошёл раскол церкви, в деле сохранения духовности народа оно играет важную роль и сейчас.

О Православии ещё скажут, а я немного коснусь **третьего момента** – русского языка.

Теорий происхождения языка много. Мне больше нравится божественное начало. Мы часто повторяем библейскую истину: «Вначале было слово», не понимая того, что Слово – это не что иное, как код связи человека с Богом и между самими людьми. Обедняя этот код, искажая его и реформируя, мы всё дальше уходим от Бога. Именно это происходило с русским языком на протяжении последних столетий.

Учёные Гриневич, Петухов, Орешкин, Гусев, Гаряев, Акимова, Шипова и многие другие практически доказали: язык, на котором мы говорим, является первым древнейшим языком нашего евразийского континента. Некогда он был единым для всех, но сохранился без особых изменений до нашего времени только у русских, у славян. От него произошли многие языки, в том числе и английский.

По словам профессора из Дели Дурга Прасад Шастри, русский язык даже более древен, чем санскрит. Профессор называет его «древним диалектом санскрита». Санскрит на 80% совпадает с русским (географические названия русского севера подтверждают это – 90% совпадений с санскритом).

Интересен ещё один факт. Исходя из романских языков, учёные так и не смогли расшифровать египетские иероглифы, письмена с острова Пасхи, протошумерские и этрусские письмена, знаменитый Фестский диск. А на основе праславянского языка они были расшифрованы и прочитаны.

В активном словаре русского языка около 1 миллиона слов. Дотошные филологи посчитали: великий Пушкин А. С. использовал в литературной речи 21 тысячу 197 слов (менее 2,2%).

А вот 500 основных английских слов составляют 70% английского литературного языка.

Наиболее полный японский словарь содержит 50 тысяч иероглифов (в 20 раз меньше русского!). А в повседневной жизни японцев используется только 1850 иероглифов.

Сравните духовное наследие наших и их предков. Ведь язык – основной показатель духовного богатства народа.

И как же мы бережём богатый язык предков? От века к веку искусственно обедняем!

Русский язык кастрируется, реформируется, упрощается. Нарушен строй языка, Азбука заменена алфавитом. Даже в кириллице (сокращённый вариант более древней глаголицы, которой пользовались славяне) из 43 букв осталось 33. Выброшены 10 гласных, в результате чего язык не только утратил энергетику, но и потерял напевность.

В последние годы, отправившись по пути западного образования, от русского языка мы, вообще, начали переходить к какому-то сленгу. У молодёжи вырабатывается клиповое мышление. Благодаря гаджетам (гадкое слово: гад же ты), молодые разучились читать и осмысливать тексты. Учителя и ЕГЭ не требуют полного ответа, и молодёжь не только разучилась читать, но и не умеет по-русски говорить.

Элочка-людоедочка по сравнению с нынешними тинэйджерами – полиглот. Нынешние обходятся «выражениями»: «как бы», «типа того», «в натуре», «вот как-то так», «клёво», «классно», «пофиг», «ништяк», «хавальник», «шопинг», «прикид», «прикол»... Плюс ненормативная лексика и «суперпопулярные» словечки из английского.

Вдумайтесь: в русском языке миллион слов, а наши люди разговаривают и пишут на каком-то косноязыком диалекте вперемежку с матом.

Есть такой анекдот, из жизни:

– Мама, мама, наши папа с лестницы упал!

– И что он говорил?

– Плохие слова не произносить?

– Плохие не надо.

– Тогда наши папа упал молча!

Значительная часть молодого поколения уже «разговаривает молча». Не кажется ли ВСЕМ (без исключения), что имея в запасе 1 миллион слов, разговаривать на жаргоне и матерном диалекте это высшая степень духовного уродства и кретинизма?

Вот где поле огромное деятельности для школы и всей пишущей братии! Ведь многие, особенно поэты и писатели с богатым языком, обижаются – не читают люди высокую поэзию и прозу. Как же они будут читать, если с детства даже в разговоре не используют русский язык?

Такое «реформирование» (в кавычках) языка вполне вписывается в теорию постепенного превращения русского народа в народ покорный, рабский и бездуховный. Чтобы не случилось этого – возвращение к великому и могучему языку предков задача каждого русского человека.

Девиз фестиваля «За нравственные идеалы! За возвышение души человека!» я понимаю вполне конкретно: жить по совести и справедливости. Восстановить утраченную историю, мораль и нравственность предков. Укреплять и поддерживать Православие, и не только самим разговаривать и читать на русском языке, но и научить этому детей и внуков.

Это, на мой взгляд, и будет укрепление Русского мира. Это и означает: жить по-русски. Как жили наши предки – Добры Молодцы и Красны Девичи!

бирать землянику – неудивительно, что наша местность оказалась Достоевскому землей обетованной.

Но самое пронзительное воспоминание, конечно, – о том периоде, когда он «промерзал до сердца».

Ранее улица Достоевского находилась в Рабочем посёлке. Любопытный момент: в начале 1940-х, скорее после воссоединения г. Перми и Мотовилихи (несколько лет она называлась Молотово) и включения в городскую черту рабочего посёлка Лёвшино, – пришлось переименовывать целый ряд улиц. Так вот: по Молотовскому району (ныне Мотовилихинскому) ул. Луначарского переименовали в ул. Достоевского, но она исчезла в 1970-е гг. в ходе реконструкции и застройки микрорайона.

И вот теперь имя русского классика вновь возвращено на карту города... вместо имени того же советского наркома культуры. Напомним: основная ул. Луначарского остаётся с прежним названием. В данном переименовании есть глубокая внутренняя логика, смешанная с чёткой архитектурой замысла и с долей исторической мистики. Дело в том, что 2-я Луначарская представляет собой короткую одностороннюю улицу в Разгуляе, напротив бывшего тюремного замка, ныне СИЗО. Как сказал глава Ленинской администрации: чтобы при названии улицы все помнили, что есть преступление и есть наказание. Что касается размеров улицы, то улице Достоевского суждено быть пермской улицей Росси (самая короткая улочка в С.-Петербурге). На данный момент почти все два квартала ул. Достоевского застроены старыми деревянными домами и только в начале ул. Достоевского стоит каменная многоэтажка.

P. S. Пермская краевая организация Союза писателей России, общества Ф. М. Достоевского и «Пермский краевед» планируют в год юбилея русского классика установить бюст писателя (место конкретизируется), а также мемориальную доску в честь писателя. Наиболее подходит для этого здание бывших конвойных рот по ул. Сибирской, 37, – памятник архитектуры местного значения. Неизвестно точно, здесь ли конкретно содержали партию кандалников, документов на сей счёт не обнаружено. Сам писатель конкретное места не называет. На доске предлагается следующий текст: «Это здание, построенное для конвойной команды (1-я половина XIX в., архитектор И. И. Свиязев), является немым свидетелем того, как в январе 1850 года по Сибирскому тракту на каторгу проследовал Фёдор Михайлович Достоевский, будущий великий русский писатель».

■ ПОЭТ И ГОРОД

Навстречу Пермским
Пастернаковским чтениям

Светлана ЗАМИАТИНА
Союз писателей России,
г. Москва

«И ВСЁ-ТАКИ, ЧТО Ж ЭТО БЫЛО?..»

В специальном выпуске газеты «Советская Россия» «Улики» от 22 января 2015 года был опубликован рассекреченный недавно документ ЦРУ о планах поддержки и продвижения в Советском Союзе романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Директор Советского отдела ЦРУ Джон Маури, среди прочего, сообщал, что «у нас есть возможность заставить советских граждан задуматься, что не так с их правительством, если прекрасное литературное произведение автора, признанного одним из величайших ныне живущих русских писателей, не может быть опубликовано в его стране на его языке для его собственного народа».

В том же номере «Улик» представлен материал о том, как писатель тайно переправил рукопись в Италию для публикации, как потом отказался получать Нобелевскую премию, приговорённую ему за «Доктора Живаго», и как, наконец, просил Хрущёва не лишать его советского гражданства и позволить остаться на Родине. К материалу прилагался отрывок из письма редакции журнала «Новый мир» Борису Пастернаку. В письме редакция довольно подробно и пространно объясняла писателю причины отказа в публикации романа на страницах журнала и взывала к совести автора, написавшего антинародное и антисоветское произведение. И вот тут-то невольно вспоминается роман другого советского писателя:

«Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича <...>, но Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж. Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус <...>, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нём простые выдумки...»

Редакция «Нового мира», давшая Борису Пастернаку свой отзыв на роман «Доктор Живаго», ни словом не обмолвилась о том, что роман этот – очевидная творческая неудача, что писатель и замечательный переводчик Борис Пастернак, переводивший на русский язык Шекспира и

Гёте, познакомивший русского читателя с поэзией грузинских, армянских, узбекских, азербайджанских поэтов, написал не очень хороший роман. Такое случается, и в этом нет ничего странного. В конце концов, каждый человек может написать плохой роман. Странно другое – когда неудачное произведение выдают за шедевр. В чём-то это и пострашнее антисоветской пропаганды.

Едва только роман попал на Запад, как был переведён на все европейские языки, автору присудили Нобелевскую премию и немедленно записали в величайшие русские классики. Обнародованные документы ЦРУ более или менее объясняют всю эту суматоху. Необъяснимым остаётся другое: с какой готовностью, если не сказать с жадностью, публика поклонилась новому кумиру и продолжает кланяться по сей день. В статье «Голый король. Размышления по поводу романа Пастернака» (1959) русский поэт-эмигрант Глеб Глинка писал:

«Весь успех и возросшую до гигантских размеров популярность романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» я определяю только как массовое наваждение. Что называется, бес попутал, ум за разум зашёл».

Но поскольку наваждение это продолжается и по сей день, то впору говорить о том, что бес опутал. Если же отстраниться от демонологии, то опять же можно сказать вслед за Глебом Глинкой:

«Боясь прослыть глупцами <...>, подавляющее большинство современных интеллигентов продолжает восторгаться несуществующей мантией Бориса Пастернака».

Эта группа восторженных товарищей делится на несколько подгрупп. Одних восхищает поэтика романа, который якобы есть не что иное, как «поэзия в прозе». Другим нравится описание чувств. Третьи говорят о христианской проповеди «Доктора Живаго». Есть и такие, для кого самым важным и интересным в романе являются стихи Юрия Живаго, представленные в последней семнадцатой части второй главы.

Окончание на стр. 4. ►

■ EX LIBRIS

Владимир ГЛАДЫШЕВ
Союз писателей России,
г. Пермь

ЧИТАЯ ДОСТОЕВСКОГО

«Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедшие из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло... Видевшие же рассказали им, как исцелился бесноватый».

Евангелие от Луки, гл. 8, 32–37.

...Май 1918 года, вечер. В № 21 Королёвской гостиницы, что в самом начале Сибирской, сидят двое мужчин среднего возраста. Один из них, гражданин Романов, – на положении ссыльного, второй, его добровольный помощник и секретарь, – Н. Джонсон.

«Пермский узник» Романов – бывший Великий князь Михаил Александрович, младший брат свергнутого императора. Отдавая дань своей давно укоренившейся привычке, Великий князь и его секретарь читают центральные газеты, затем берутся за местные «Известия».

– Обратите внимание, Михаил Александрович, по пермским улицам гуляют свиньи! – удивился вслух Джонсон; Николай Николаевич любил выбирать из объявлений что-нибудь этакое...

Действительно, Совет городского хозяйства в номере за 5 июня извещал, что при 1-м рабочем дворе (давалось уточнение: собачий двор на Вознесенской ул.) были задержаны (!) три гульных свиньи. Это в центре Перми!

Владельцы свиней могли получить свою живность, но только в течение пяти дней, уплатив за прокорм. А нет – всё, прощайтесь, продадут с торгов.

Образ бродячих свиней сразу напомнил Михаилу эпиграф к роману Достоевского «Бесы». За сочинения великого русского писателя Великий князь взялся как раз в последнее время, навёрстывая упущенное (в молодости русских классиков не очень любил, исключение делал разве что для Тургенева, его книги просто обожал). В пермской ссылке Михаил Александрович читал две книги – какую-то французскую (занятия языком) и «Записки из мёртвого дома» Достоевского. Как будто готовил себя к чему-то подобному, что испытал великий русский писатель в Сибири, на каторге...

Одно место... Где же это? А, вот! Про первый месяц в неволе Романов перечитал не раз, сравнивая восприятие Сибири поселянина Горяничкова с собственными ощущениями: «...Три дня спустя по прибытии моём в острог мне велено было выходить на работу. ...Я продолжал ко всему жадно присматриваться... Вот конец моего странствования: я в остроге, – повторял я поминутно, – вот пристань моя на многие долгие годы, вот мой угол... вот я вступаю с таким недоверчивым, с таким болезненным ощущением...»

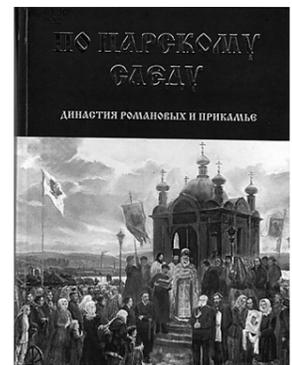
Достоевского вспоминал и другой человек, который станет палачом великого князя, это боевик-каторжник Гавриил Мясников.

Да, амбиции у местных большевиков были велики, а аппетит – волчий. Сам Мясников в своем трактате-исповеди «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова» признаётся в этом. Цель они поставили перед собой чёткую: «убрать эту падаль, чтобы труп Михаила не удалось потом превратить в баррикаду мировой буржуазии».

Вспомним: примерно такими же чувствами жил и другой «пламенный революционер» – Яков Юровский, комендант «дома особого назначения», руководивший расстрелом семьи бывшего императора. Но наш доморощенный философ, помимо идейности, подпускает в обоснование своей кровожадности ещё и психологию. Мясников объясняет, почему в нём так «кипит негодование против Достоевского, оплевавшего атеиста-смерда». И он призывает «реабилитировать Смердяковых, выступающих на историческую сцену...».

Воинствующая смердяковщина пронизывала политику узурпаторов власти. На вооружение большевики взяли тактику, которая была разработана и обкатана в революционной Мотовилихе, ещё в 1917-м. Она заключалась в том, чтобы убивать своих идейных противников при мнимой, инсценированной попытке к бегству. Фактически это – убийство из-за угла.

P. S. Подробнее – читайте в книге В. Ф. Гладышева «По царскому следу», глава «Необъявленная казнь» (Пермь, 2014).

«И ВСЁ-ТАКИ, ЧТО Ж ЭТО БЫЛО?..»

◀ Окончание. Начало на стр. 3.

Что ж, бесспорно, здесь собраны прекрасные и проникновенные строки, но в то же время читатель то и дело спотыкается о «распутицу в бору глухом», о солнце, греющем «до седьмого пота», о «зубья вил», которые «пышут здоровьем», о камни, которые «крошились о кремни» и даже о соловья, которого автор, Бог знает, почему, называет «маленькой птичкой ледящей».

Можно, конечно, сказать, что всё это не имеющие значения мелочи и что придирки здесь совершенно неуместны. Но, во-первых, такой подход был бы понятен, если бы речь шла о затрапезном графомане, а не о лауреате Нобелевской премии. А во-вторых, придётся в таком случае признать за поэзию, а то и за её вершину, любой текст, отвечающий правилам стихосложения. А уж если в таком тексте промелькнут символы или намёки на потусторонний мир, можно смело вписывать имя автора в анналы мировой литературы.

Чем, например, не поэзия:

*В стране советской полудённой
среди степен и ковчегей
Семён Михайлович Будённый
скакал на рыжем кобыле...*

Если в прозе невыверенное и даже неправильное слово ещё может затеряться, то в стихах оно кричит и притягивает к себе внимание. Кроме того, не всякое даже и точное слово, уместное в прозе, уместно в поэзии. И потому непоэтично и как-то даже не совсем по-русски звучит: «тащилась человек верхом» или «пахнет свежим воздухом навоз» и т. д.

Не это ли имел в виду Г. Адамович, когда писал, что «у Пастернака слово сошло с ума»? И не о том ли размышлял Г. Свиридов, отмечавший, что «Пастернак как поэт, он имеет больше достоинства, хотя отсутствие чувства языка, его интеллигентский, московско-дачный жаргон вместо богатой русской речи...»

О собственно прозаической части романа принято говорить как о «поэзии в прозе», потому что де на редкость стройная композиция романа напоминает «строфическую организацию стихотворного текста». В этом нас уверяет, например, доктор филологических наук В. И. Тюпа.

Кроме того, тексту романа приписываются ритмичность, музыкальность, прозрачность, то есть всё то, что обычно составляет счастливые свойства поэзии. Между тем все персонажи романа говорят одним и тем же языком, и лишь на последних страницах автор объясняет читателю, что у Лары была привычка всё время говорить «не правда ли». После этого разъяснения Лара действительно начинает повторять «не правда ли» с частотой, на которую способна разве заезженная пластинка. Но до авторской ремарки Лара, похоже, и не догадывалась о своей привычке. Примечательно также, что образованные персонажи, говорящие как по шаблону, используют слова «позвольте», «помилуйте», «видите ли», «что вам угодно» и пр. Персонажи попроще тоже изъясняются на один манер, но отдают предпочтение словам «не сумлевайтесь», «не замай», «требувают», «ихних» и т. д. Напевности в этом унылом однообразии нет никакой. А если признать, что расстановки слов в предложении достаточно для того, чтобы считать прозаический текст поэзией, то опять же можно дойти до крайностей.

Что касается ритмичности, то впроу, скорее, говорить о дискретности авторского стиля, срывающегося с изысканными описаниями природы на какие-то местечковые штампы вроде: «цветы были заменой недостающего пения и отсутствия обряда», «Лара», – шептал он и закрывал глаза, и её голова мысленно появлялась в руках у него», «пока тебя помнят вгибы локтей моих», «её руки поражали, как может удивлять высокий образ мыслей», «покойника привезли по месту последнего жительства», «шапка её волос, в беспорядке размётанная по подушке, дымом своей красоты ела Комаровскому глаза и проникала в душу». Что же получается? Что замена отсутствия, вгибы локтей, проникающие в душу шапки, свисшие перед тем глаза дымом своей красоты – это и есть поэзия? Это вершина русской словесности? Не правильнее ли было бы думать, что это всего лишь косноязычие, небрежность и то самое отсутствие чувства языка?

Обращает на себя внимание и авторская страсть к букве «ю», так что везде, где можно и даже там, где нельзя, автор выписывает в окончаниях любимую букву: «страсть к сводничанью» или «покрыв середину гроба, цветов и тела собою, головою, грудью, душою и своими руками, большими, как душа». Это «ю», вероятно, тоже свидетельствует в пользу особой поэтичности. А заодно вызывает в памяти образ Смердякова: «Для чего же

с малым, когда можно просто «с малым» сказать, как все люди произносят? Слёзно выговорить захотелось, так ведь это мужицкая, так сказать, слеза-с, мужицкие самые чувства». Тот редкий случай, когда и согласишься с Павлом Фёдоровичем. Нарочитость не может быть поэзией. Нарочитость присуща эксперименту, позе или штукарству. Нарочитость может стать следствием бедности выразительных средств. Но подлинная поэзия естественна.

Кстати, «руки, большие как душа» – это что-то либо очень непонятное, либо уродливое и оттого совершенно непоэтичное. Да и как можно покрыть середину цветов душою, тоже не очень получается представить. Но апофеозом «поэзии в прозе» стала следующая фраза: «А высокая брюнетка в чёрном с шальными горящими глазами и неприятно по-змеиному напряженной шеей, которая поминутно переходила то из гостиной в зал на поле сыновней деятельности, то назад в гостиную к игравшему мужу, была мать Коки Корнакова». Почему эта переходящая туда-обратно шея так и переходит из издания в издание, почему ни один редактор не осмеливается исправить фразу, пугающую доверчивого и неискущённого читателя, остаётся только гадать. Возможно, за разъяснениями стоило бы обратиться к исследователям творчества Б. Пастернака. Но исследователей обычно не интересуют такие мелочи как языковая культура. Вот если сказать, что какая-то идея эксплицирована да к тому же имплицитно присутствует – это другое дело. Кто же посмеет возразить против имплицитного присутствия? Роман и в самом деле изобилует разного рода символами – стрелки, кружки, свечи, крысы, волки... Всё это нравится филологам и трактуется смачно и со вкусом. А какие в романе имена... Например, Юрий Андреевич... Не правда ли, «Юрий» созвучно с «юродивый». «Андрей» значит «человек». Вот вам и «сын человеческий». И так далее всё в том же роде.

Получается, что «Доктор Живаго» – это роман для исследователей. И как, например, одежда или причёски с показа мод совершенно не годятся ни для повседневной жизни, ни даже для особо торжественных случаев, «Доктор Живаго» – это подиумный роман, подходящий для филологических экзерсисов, но совершенно нечитательный, косноязычный и не цельный. И никакие исследователи не убедят вдумчивого читателя, что косноязычие и словесное нечувствие могут сопутствовать гениальному творению, даже если его стройная композиция напоминает строфическую организацию стихотворного текста.

О героях романа нельзя сказать ничего определённого. А вот на каждое исследовательское утверждение, что тот или иной герой несёт в себе то или иное свойство, можно возразить целым букетом опровергающих примеров. Большинство персонажей в романе добрые. Например, главная героиня Лара. Помимо того, что она добрая, мы можем сказать, что она любвеобильная и приторно-слащавая. Она очень любит мужа и любовника, а всех вокруг называет не иначе как уменьшительно-ласкательными именами. Так что в какой-то момент уже не знаешь, куда деваться от всех этих Катенек, Юрочек, Патул, Симушек и пр. Муж Лары Павел Антипов и он же воскресший из мёртвых, а потом покончивший с собой Стрельников – человек, мягко говоря, странный. Он ушёл от жены на фронт, чтобы «после трёх лет брака снова завоевать её». Под вымышленным именем он ушёл в революцию и скрывался от жены, чтобы «полностью отплатить за всё, что она выстрадала». Но скрывался он не потому, что не хотел рисковать женой. Просто надо было сначала «довести дело своей жизни до конца». Этот наивный и незлобивый эгоизм, пожалуй, ещё одна общая черта персонажей романа. Например, у главного героя доктора Юрия Живаго насчитывается три, разной степени законности, жены. При этом каждая жена то и дело одаривает доктора наследниками, и каждую из жён доктор оставляет под какими-то надуманными предлогами. Поэтому разговоры, что роман «Доктор Живаго» – роман о любви, вызывает лёгкое недоумение: о любви кого к кому?

Лара уверена, что они с Юрием Живаго «любили друг друга не из неизбежности, не «опалённые страстью», как это ложно изображают. Их любовь нравилась окружающим ещё, может быть, больше, чем им самим. Незнакомым на улице, выстраивающимся на прогулке далям, комнатам, в которых они сошлись и встречались». А далее следует пространное объяснение, что любовь эта возникла как следствие восхищения красотой мира и отстранённости от политики. Но и тут не вытанцовывается. Как же так? Страсти нет, а супружеская измена и внебрачные дети налицо. Внебрачные дети в романе – это тоже, видимо, какой-то символ, плодородия, что ли... Потому что их число отсылает даже не к христианству, а прямо к ветхому Завету.

Но когда появляется Комаровский – ненавидимый и презираемый Ларой и Юрием человек, совративший Лару ещё гимназисткой – происходит и вовсе что-то необъяснимое. Комаровский предлагает Юрию и Ларе уехать на Дальний Восток. Но Юрий не хочет ехать. Просто не хочет и всё. И довольно быстро соглашается, чтобы находящаяся в интересном положении Лара ехала на край света с извращенцем Комаровским одна. Лара, в свою очередь, довольно легко позволяет себя обмануть и уезжает, не оглядываясь. После чего оставляет у чужих людей родившегося в странствиях ребёнка от любимого Юрия.

Если кто-то считает, что это любовь, да ещё какая-то особенная, неизбежная, такая, что нравится «выстраивающимся на прогулке далям», он попросту заблуждается. Во всяком случае, между романом Пастернака и трагедией Шекспира непреодолима пропасть.

Кроме главных героев в романе действует целая армия второстепенных. При этом как главные, так и второстепенные то появляются, то исчезают в никуда и постоянно друг с другом встречаются, что вызывает невольную улыбку. Встречи происходят в Москве, в уральском городе Юрятине, в заброшенной усадьбе, в сгоревшей деревне, на станциях и даже на фронтах сначала Первой, а там и Второй мировых войн. Странноватая архитектура романа подтверждает мысль, что «Доктор Живаго» – роман для исследователей. Потому что странности, нестыковки и немотивированности в художественном произведении не замечают лишь неискущённые читатели и вполне искушённые исследователи, могущие о самой злостной графомании написать диссертацию и доказать, что художника нельзя судить чуждыми ему требованиями. Что он не хочет следовать проторенной тропой и что его не волнует иллюзия правдоподобия, призрак истины и химера гармонии. Что судить его, в конце концов, нужно по тем законам, которые он сам признаёт за собой. Но будет ли это правдой, обогатит ли гуманитарное познание, просветит ли любителей словесности? Едва ли.

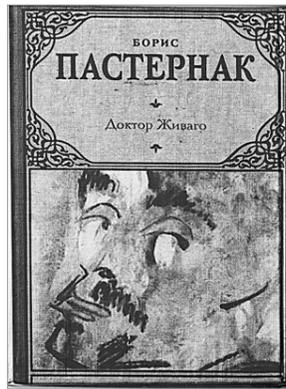
Существует и ещё одна странность, мимо которой просто невозможно пройти. С самых тех пор, как роман только вышел из печати, вокруг него не умолкают охи относительно его якобы христианской направленности. Охи эти и по сей день столь настойчивы, что наводят на мысль о каком-то заговоре. В романе действительно довольно часто упоминается имя Христа. Но не сказано ли: «Что вы зовете Меня? Господи! Господи!» – и не делаете того, что Я говорю?» (Лк 6:46). И ещё: «Не всякий, говорящий Мне: „Господи! Господи!“, войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю

Отца Моего небесного» (Мф 7:21). При чём же тут христианство и Юрий Живаго со своим гаремом, этакий благодушный себялюбец, не ведающий ни покаяния, ни смирения, ни подлинной христианской любви с самопожертвованием и самоотречением? То, что Юрий Живаго любит окружающим миром, ни в малейшей степени не характеризует его как христианина – «не так же ли поступают и язычники?» (Мф 5:47) В романе показаны либо сектанты вроде не в меру болтливой Симы Тунцевой, либо балующиеся христианством интеллигентки, вроде самого доктора и иже с ним.

По-христиански в романе поступает разве очередной байстрюк – Евграф Живаго. Но этот лубочный персонаж, меняющий шубу из оленьей шкуры на генеральский мундир, напоминает более всего Деда Мороза, которому просто по амплуа пристало всем помогать. А потому и всерьёз к нему не получается относиться. К тому же, он, в отличие от самого доктора, о христианстве не витийствует.

Профессор Московской Духовной Академии М. М. Дунаев утверждал, что «Доктор Живаго» – произведение не о жизни, а о бессмертии. О проблеме бессмертия. Всё и выстраивается соответственно этому». Но рассуждения М. М. Дунаева отталкиваются только от его желания считать роман христианским, но не более того. И уж совсем непонятно, почему о «бессмертии» можно говорить не иначе как при помощи «вгибов локтей» и проникающих в душу шапок. Да и нет веры профессору Дунаеву, начавшему статью о «Докторе Живаго» словами: «Выверенная в каждой фразе проза романа вовлекает в себя с начального же звучания». Мы достаточно уже привели «выверенных фраз», чтобы убедиться, что профессор попросту соврал.

Когда же ценители христианской проповеди «Доктора Живаго» ссылаются на стихотворение «Зимняя ночь» – то самое, где свеча горела на столе – и уверяют при этом, что свеча – это символ бессмертия, а само стихотворение переполнено христианским духом, то невольно удивляешься этому простосердечию. Потому что свеча-то, может быть, и горела, но и башмачок падал с ноги со стуком, и руки с руками перекрещивались.

И ноги, кстати, тоже. Да и кружки со стрелами, которые лепит на стекле метель, символ недвусмысленный. История, в общем-то, обычная. Но видеть в ней что-то божественное, значит всего лишь кощунствовать.

Помнится, Фёдор Павлович Карамзов пенял Петру Александровичу Миусову: «Да, вот вы тогда обедали, а я вот веру-то и потерял!» Когда видные иереи и богословы рассказывают пастве о религиозном значении романа Б. Пастернака или о христианском сознании Юрия Живаго, они вполне могут оказаться в роли П. А. Миусова и услышать однажды: «Вот вы тогда невесту о чём разглагольствовали, а мы вот веру-то и потеряли». Но о том, что бывает с теми, кто соблазнит одного из малых сих, не нам здесь рассуждать.

Посмотрим лучше, что происходит, когда в культуру под видом шедевров внедряются не очень хорошие или совсем нехорошие произведения. А происходит примерно то же, что с производством, когда на предприятие засылается человек, портящий станки – мало-помалу производство останавливается. Культура, не приумножающаяся действительно великими произведениями, начинает размываться. Примитивизация, опрощение культуры приводит к утрате смыслов, хранящихся в ней.

О великих предметах нельзя говорить площадным языком. Именно поэтому Церковь не переходит на современный язык в богослужении. Великое должно быть выражено сообразно своему масштабу, только тогда оно может быть правильно понято. Попробуйте спеть в частушках о Священной войне или о чудном мгновении. И вместо глубины чувств вы окажетесь на жалкой отмели. Культура, образованная посредственными произведениями, не может нести в себе высокие смыслы – всякая посредственность приземлена. Но человек, привыкший к посредственности, постепенно утрачивает вкус к прекрасному. Это как учиться музыке на расстроенном инструменте – есть риск испортить слух.

Сегодня мы, инда горло пересохло, кричим о русофобии, но уже не замечаем, что «Солнечный удар» наполнен штампами, а в «Левиафане» плохо всё – начиная сценарием и заканчивая операторской работой. Привыкая к посредственности, мы отвыкаем воспринимать прекрасное и понимать великое. Культура и сознание – вещи взаимозависимые. Сформировавшийся в определенных культурно-исторических условиях индивид отображает себя и свою эпоху в произведениях культуры. После чего сами произведения, становясь средством воздействия на индивидов, начинают влиять на формирование мировоззрения, системы ценностей, психических процессов. И если в культуре, по чьей-то злой воле или потому, что так уж вышло, царит посредственность, то рано или поздно она также окажет своё действие. А уж какое она сформирует мировоззрение и какую систему ценностей – можно только гадать.

И всё-таки история с «Доктором Живаго» – это очень грустная история. Потому что глубокий и талантливый человек, не то по неведению, не то, поддавшись соблазну, стал разменной монетой в не слишком чистоплотных руках. Неудачное произведение Бориса Пастернака принесло ему славу, породило целую армию исследователей, которые, как кажется, сами не до конца понимают, чем занимаются. Но в то же самое время замешало имя писателя в какую-то смутную историю, расколов соотечественников на непримиримых неприятелей романа и его активных фанатов, боящихся прослыть глупцами. Что это было? Как такое могло случиться? Вот о чём было бы интересно послушать мнение исследователей.

■ ЗЕМЛЯ

АЛЕКСЕЙ МАЛЬЦЕВ
Союз писателей России,
г. Пермь

ПРИСНИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ

ЗВОНОК ИЗ ДЕТСТВА

Сотовый –
проверенное средство,
Чтобы скоротать остаток дня,
Запиликал:
– Это ваше детство.
Помните, наверное, меня?
Я сейчас в том самом городишке...
В общем, я на родине сейчас...
Здесь по парку бегают мальчишка,
Как две капли, он похож на вас.
Связь оборвалась.
Как в бездну канул
Голосок, исполненный тоски...
Я стоял в прихожей истуканом,
Слушая короткие гудки.
Если это кто-то по соседству
Пошутить решил так надо мной...
Люди, осторожней!
Шутки с детством –
Это шутки с вечностью самой.

НЕПОХОЖАЯ ЖИЗНЬ

А когда рассвело
И лоскутные мятые тени,
По кустам расплазаясь,
Ещё холодили ступни,
Мне подумалось вдруг,
Что рассвет не похож на осенний,
И своей непохожестью –
Всей моей жизни сродни, –
Не устроенной в чём-то,
Порой беспросветной настолько,
Что с утра, как молитву, твердишь:
«Продержись! Продержись!»
Мне подумалось вдруг,
Что вот так, наплывая с востока,
Непохожий рассвет повстречал
Непохожую жизнь.

ДЕВОЧКА-ВЕСНА

Приснится же такое, в самом деле...
Потом всю ночь мне было не до сна.
Как будто на оттаявших качелях
Раскачивалась девочка-весна.

И видимо, не холодно ей было,
Всё во дворе, казалось, расцвело...

■ ЛУТАНСК – ПЕРМЬ

СВЕТЛАНА ТИШКИНА
г. Луганск, ЛНР

НЕРАСТРАЧЕННОЕ ЛЕТО

Я приду,
Когда станет светлей на душе,
Когда утром смогу поделиться,
А пока серым днём
Затаюсь в шалаше
Из ольхово-кленового ситца.

Из дождя на ладонь
Упадёт канитель –

А, может быть, девчонка полюбила
Впервые в жизни – чисто и светло?

Я за ночь подходил к окну раз десять –
Увидеть чтоб её наверняка.
Под снегом дворик спал, и только месяц,
Смеясь, крутил мне пальцем у виска.

Глаза я закрывал – всё повторялось,
Как наваженье... Тенькала капель.
Раскачиваясь, девочка смеялась,
Светило солнце, буйствовал апрель.

ДАЛЁКАЯ ЮНОСТЬ

Непогода отменит поход наш едва ли –
Всё равно мы на лодках в туман уплывём...
И причалим туда, где сто лет не бывали,
И костёр у реки не спеша разведём.

Будут искры плясать в уплывающем дыме,
Наши песни услышит поникший бурьян...
Мы когда-то рыбачили здесь молодыми,
Унесло поплавки в мировой океан.

Разучились по-детски мечтать, удивляться,
Не ликуем от радуги над головой...
Мы сегодня другие... А помните, братцы,
Как трепещет сорожка, взлетев над водой!

Как колотится сердце твоё с непривычки,
Если встретишь на танцах девчонку свою...
Где сейчас этот вздёрнутый нос и косички,
Эти губы, что нежно шептали: «Люблю».

ЭКСПРОМТ

Полнолуние... Без четверти десять,
Если стрелки, конечно, не врут.
Умудрился же кто-то повесить
Над Прикамьем – созревший грейпфрут.
И – поехала крыша у граждан,
Словно с горки – толпа детворы...
Видно, шизик скрывается в каждом,
Не высовываясь до поры.

СНЕГ В АПРЕЛЕ

Апрель, осадки, талая вода...
И выпавшему снегу – таять, таять...
И кажется – весна не наверстает
Упущенное к маю никогда.

Где прячется беглянка до сих пор?
В урочищах? В низинах? В захолустьях?
Подобием невыплаканной грусти
Кружится снег... Всему наперекор.

ВСЁ ЛУЧШЕЕ – В ПРОШЛОМ

Мы день уходящий, как булку, раскрошим,
Слетевшие голуби мигом склюют...
Всё лучшее – в прошлом,

всё лучшее – в прошлом:
Закаты, рассветы, душевный уют.

Одёрнут друзья: «Ностальгия проснулась?
Живи настоящим и хватить стонать!..»
А нам для того и дарована юность,
Чтоб было хоть что-то потом вспоминать.

Захочется – там причесать,
здесь – подправить...
Причины разлук и подробности встреч...
Но нам для того и дарована память,
Чтоб прошлое наше от нас уберечь.

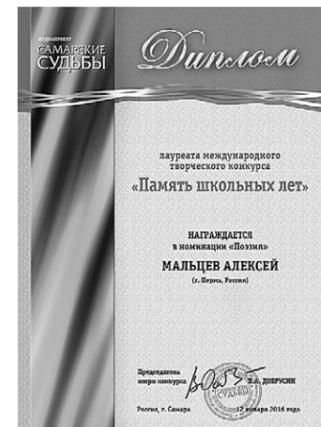
Опять на душе не по-детски тревожно,
И кто разберёт – что маячит вдаль...
Всё лучшее – в прошлом,
всё лучшее – в прошлом.
У нас, у России, у целой Земли.

МГНОВЕНИЯ

Случаются нелегкие мгновенья –
Хоть тресни, не идет стихотворенье,
На части распадается строка...
Бегу туда, где кроны, словно крыша,
Где лиственницы шепчутся чуть слышно,
И ветер мысль несет издалека.

БУМАЖНАЯ РОДНЯ

О, сколько книжек подписать мне
За эти годы довелось!
Размашисто, в одно касанье,
Плясали строчки вкривь да вкось...
Где вы сейчас, души осколки,
Моя бумажная родня?...
Небось, скучаете на полке
И вспоминаете меня?

Пермский поэт и прозаик Алексей Васильевич Мальцев в начале 2016 года стал лауреатом Международного творческого конкурса «Память школьных лет».

От всей души поздравляем коллегу и желаем ему успехов в творчестве и новых литературных побед.

**Пермская краевая организация
Союза писателей России**

ИВУШКА

Ну, какая же я сильная?
Быть такую не проси меня.
Беззащитная и слабая,
И всплакнуть могу по-бабьему.

Только мне не нужно жалости,
Не приму и самой малости.
Я привыкла, я живучая,
Гнусь, как ивушка плакучая.

Я – под солнцем, ты – в тени моей,
Ведь уютно средь моих ветвей.
Этим я живу и радуюсь,
В корни прячу свою стару грусть.

Для тебя я слишком сложная,
В этом правда непреложная,
Да, быть проще не умею я,
Подари чуть-чуть доверия.

Я найду пути решения,
В том моё предназначение,
И не силой, и не слабостью
Справлюсь я со сложной напастью.

Николай ПОЛОТНЯНКО
Союз писателей России,
г. Ульяновск

НО ЕСТЬ ПРИЗВАНИЕ У ПОЭТА...

В преддверии Всемирного Дня поэзии (празднуется 21 марта) публицист Марина Изварина встретила с известным русским поэтом Николаем Полотнянко — одним из авторов альманаха писателей Пермского края «Литературная Пермь», кавалером ордена Достоевского I степени, и попросила его ответить на интересующие читателей вопросы.

В беседе были затронуты общероссийской важности вопросы и проблемы существования литературы сегодня.

Марина Изварина: Недавно мы стали свидетелями значимого для ульяновских любителей поэзии события: вам была вручена премия Н. Благова в своей главной номинации. И так совпало, что через несколько дней вышла ваша новая книга поэзии «Судьба России». Поздравляю вас, Николай Алексеевич, с заслуженной наградой. Но почему вы сказали, что для вас это неожиданность?

Николай Полотнянко: В Ульяновске, знаете, своеобразные взгляды на поэзию у тех, кто думает, что именно он решает творческие судьбы.

В 1976 году секретарь обкома партии Сверкалов (партийная кличка «Сверчок») топал ногами и кричал, чтобы я в 24 часа «выметался из города». По мановению первого секретаря Скочилова я получил квартиру. Горячев к литераторам был равнодушен, но иногда помогал материально. Сергей Морозов на одной из своих первых встреч с писателями со всей прямоотой заявил, что «не собирается делать из ульяновских писателей Гоголей и Чеховых».

М. И.: И как вы отнеслись к этому заявлению губернатора?

Н. П.: Нормально. Совершенно для себя случайно, он попал в самую точку. Поэт делает себя сам своим талантом, но в его судьбе многое зависит от культурной и просто житейской атмосферы, в которой он обитает и творит. И в начале его поэтического пути не надо к нему лезть, советовать, запрягать в общественные мероприятия, нужно оставить его одного наедине с песней своей жизни, которую он только начал петь, не подозревая, что ему ещё предстоит вынести в будущем. И, конечно, не надо, как это было со мной, душивать, не давая работу, запрещать печататься за то, что несколько раз в частных разговорах я называл нашу обкомовскую публику антисоветчиками. И, к сожалению, не ошибся, идеалы Советской власти они предали.

М. И.: Почему же это предательство произошло, да так ловко, что и виноватых не сыскать?

Н. П.: Как-то мы не так сейчас живём, никак не можем собраться с духом и сделать чистосердечное признание, что и на нас лежит часть вины за развал государства, и на мне, и на многих миллионах взрослых граждан, но особенно на бывших чекистах, госаппаратчиках, военных, сотрудниках МВД и просто рядовых коммунистах. И секрета в гибели страны нет: её убило враньё сверху донизу, ложь победила правду, мы стали врать и до сих пор врём даже самим себе, что в 1991 году стали жертвами обстоятельств несорбимой силы. Ложь теперь рядится в личину объективности, появилась масса вранья на тему «не виновата я, это он сам...».

Даже КПРФ уверена в своей невинности и непорочности. А мне порой хочется спросить Зюганова, что ему помешало из пацанской рогатки пробить черепушку своему соседу по дому Ельцину шариком от подшипника?.. Рогульки, резинки и шарика хватало бы для изменения хода мировой истории. А мы все врём, врём, врём... пока не помрём...

М. И.: Вы прошли достаточно большой путь в поэзии и не заразились гордыней, которая весьма свойственна многим творческим работникам. Вы верующий?

Н. П.: В начале 1980-х мне вернули рукопись из одного московского журнала с характерным для того времени резюме, что в стихах слишком много упоми-

наний о душе. Такое было время. С конца 1980-х в литературе объявилась уйма поэтических христосников, и это поветрие ещё не закончилось. Поэт не может быть только верующим, то есть колеблющимся человеком, он должен твердо знать, что Бог есть, и Он — опорный камень его поэтического видения мира и человека. Но это касается только поэтов пушкинского пути, которых в наше время почти не осталось. Но у нас публичное мнение всех, кто зарифмовал хотя бы сотню строчек, зачисляет в поэты. И это не смешно, это — плохо.

М. И.: Но Пушкин жил давно, жизнь людей во многом изменилась. Наверно, и поэзия должна соответствовать своему времени. Много говорят об Иосифе Бродском как о первом поэте на все времена. Возможно, и перехваливают, но он действительно крупная звезда русского поэтического небосклона.

Н. П.: Поэзия должна соответствовать не времени, а своему божественному призванию, и должна быть направленной в высоту, потому что предназначение поэзии состоит в очеловечивании людей, о чём я сказал достаточно давно, но понято это был очень немногими:

*Опять пришла весна в Поволжье.
Лес научился говорить.
И листья шепчут, что я должен
За это — песней заплатить.*

*И пусть не так легко и щедро,
Как соловей или скворец,
Но стать на миг дыханьем ветра,
Коснуться радостью сердец.*

*Немного в жизни счастья, света,
Никто своих не знает дней,
Но есть призванье у поэта —
Очеловечивать людей.*

Что касается Бродского, то его поэзия явно не русская. Она русскоязычная, ибо не содержит в себе ни одного русского смысла из тех, которые выделил ещё Гоголь (Бог, Царь, Россия, народ). Эти понятия ему чужды, но Бродский сейчас заражен как инфекцией пошлости очень многие деятели российской культуры, филологи, СМИ, библиотекари. Однако винить их в этом трудно; хотя они имеют высшее образование, но не имеют собственных выстраданных убеждений, и совсем не образованы в части любви к родному слову, легковёрны и падки на любую дрянь, которую начинает мусолить и навязывать публике так называемое общественное мнение и ТВ.

Если посмотреть на жизненное пространство поэзии Бродского, то оно как у всякого русскоязычного поэта, напоминает марсианский пейзаж. Его поэзия вторична и черпает себя из литературы, но не из живой жизни. Да, он писал по-русски, но думал и чувствовал не по-русски. Читателям нужно знать, что творческая работа писателя похожа на многолетнее возделывание своего сада. Успехи у каждого — по таланту. У одних сад ухожен, у других заброшен — всего одно хилое поэтическое деревце, а сам хозяин мотается-шныряет по литературным садам, там одно сорвёт, там — другое, чтобы «творчески переработать», но так до конца жизни и не поймёт, в чем заключается предназначение поэтического таланта.

Ему главное — не создать, а как можно громче о себе заявить какой-нибудь гадостью, чтобы прославиться. Показательны в этом смысле мерзкие вирши Бродского украинскому народу. Такое русский поэт написать не сможет.

М. И.: Издание ваших книг, которые стали, на мой взгляд, самым важным культурным событием в регионе за последние пятнадцать лет, власть финансово не поддерживает, хотя литература есть фундамент русской духовной культуры. В чём причина подобной холодности к вашим, уже получившим читательское признание талантливым книгам поэзии и прозы?

Н. П.: Изданием своих уже 11 книг поэзии и прозы я поставил руководителей культуры области в неловкое положение. Они жили себе спокойно, ничто не омрачало их безмятежного существования, а тут без всякого на то разрешения явился к ним такое, что требует к себе пристального внимания.

Подчёркиваю, что это не я требую к себе внимания, а написанные мной книги. Они требуют осмысления и законной прописки в культурном пространстве региона, не говоря уже об их издании тиражом 3–5 тыс. экз., чтобы они стали доступны тем, кто интересуется историей своей земли, потому что четыре романа посвящены истории Симбирского края, а три романа написаны о современной жизни ульяновцев. Мной создана и поэтическая история Симбирска-Ульяновска.

Добавим к этому две комедии на эту же тему. К сожалению, до руководства областью пока не дошло, что этими книгами Ульяновск духовно обогатился, во многом приобрёл художественно-литературное родословие, и лишился своего затянувшегося исторического беспомыслия и сиротства. И это сделал один человек, уже далеко немолодой, совершенно бескорыстно с благой целью очеловечивания людей, которых денно и нощно расчеловечивают лже-идеалы капиталистической действительности через СМИ, телевидение, кино и современное искусство.

М. И.: Ульяновск включён ЮНЕСКО в список самых читающих городов мира, но, судя по отношению к вашему творчеству, это мало что даст для продвижения ваших книг. Я заметила, что наши печатные СМИ совершенно не интересуются литературным творчеством, не публикуют стихи, рассказы, рецензии на книги.

Н. П.: Наша область заняла в Год литературы 1-е место в России по продвижению чтения, включена в престижный список ЮНЕСКО, но этим успехами никак не соответствует негативная политика областных газет, получающих весомую финансовую поддержку из областного бюджета, по отношению к местным писателям. Они уже давно ликвидировали литературные страницы из своих изданий, и требуют оплату за публикацию литературных произведений, что явно не способствует созданию культурной творческой атмосферы в регионе.

Писатели не требуют оплаты своего труда, но редакторы не прочь на них подзаработать. Получается, что из литературного процесса вычеркнуты многие десятки творчески одарённых людей, в первую очередь молодых литераторов, и сменить старшее поколение писателей скоро будет некем. Согласитесь, что эта политика как-то не вяжется с высоким реноме Ульяновской области в европейском масштабе культурных ценностей, и есть ни что иное как мелочное крохоборство и умышленное подавление литературных дарований.

М. И.: И какова судьба изданных вами за свой счёт книг?

Н. П.: Нужно, чтобы мои книги появились в свободной продаже, чтобы их мог приобрести любой желающий.

Книги, все 11 томов, изданы мной за деньги доброжелателя очень небольшим тиражом. Все они есть в Интернете. Получив тираж книги, я раздаю её по адресам. Единственное условие моего дарения, чтобы книги получатели забрали сами, и сообщили об их получении на электронных ресурсах. Доброжелательно отнеслись ко мне в Сельхозакадемии. Забрали книги и на другой день опубликовали информацию, а также передали комплект в Чердаклинскую библиотеку, где тоже откликнулись публикацией.

М. И.: Кому ещё вы подарили свои книги?

Н. П.: Ульяновскому госуниверситету, Педагогическому и Техническому университетам, Колледжу искусств, Педагогическому училищу № 4, Инзенской и Старо-Майнской библиотекам, Литературному обществу «СимбирЛит». И всем городским библиотекам Ульяновска, «Аксаковке», во все отделы Дворца книги, куда книги отдавал по мере их получения из типографии. Всего я подарил более 600 книг.

М. И.: Только что вышла новая книга стихов «Судьба России». Она что, действительно о судьбе России?

Н. П.: Я писал эту книгу без оглядки на торжествующий хай победителей русской справедливости и Божьей Правды. В наше время судьба поэта безрадостна. Ему приходится говорить народу правду, которую тот не хочет слышать:

*..Какая грусть поэтом быть заката
Страны и унижения святых!
Следы необратимого распада
Видны на всём, куда свой взгляд ни кинь.*

*Давным-давно мы тлеем — не горим.
И жаркие мечты о вольности чуть живы.
Иссякли благородные порывы.
Мы слову чести верность не храним.*

*В нас пушкинского так ничтожно мало.
Он был от солнца, мы — от полутьмы.
Наши порохи отсырели, и нет запала,
И цели нет, куда б стремились мы.*

*Но Пушкин с нами. На исток дорог
Он возвращает Русь в пророческом прозрении.
Пока с народом здравый смысл и Бог,
То есть всегда надежда на Спасение.*

■ EX LIBRIS

Михаил ДАВИДОВ
ИКО СПР,
г. Пермь

ВКУС МОРЯ

ТАТЬЯНЕ

Я знаю, ты желаешь
Меня приворожить,
Фламинго притворяясь,
Лисой стремишься быть.

Мечтаешь ты о ласке
И тихою любви,
И жить со мной в достатке
Без риска и крови.

Ты славная, простая:
Златые волоса,
И ямочки на щёчках,
И синие глаза.

И у тебя есть деньги,
Квартира и «Рено»,
Мутоновые шубки,
Прекрасное вино.

Но я люблю другую,
Мечтаю об ином,
И мучаюсь, тоскую
О счастье неземном.

Её глаза чернее
Египетской ночи.
Огонь души сильнее,
Чем жар в моей печи.

И хлопотно, и сложно
Бывает часто с ней.
Порою очень больно,
Но мне она милей.

Хочу её безумно,
Мечтаю о ночи:
Увидеть прелесть чуда
Под пламенем свечи.

И взгляд её, чаруя,
Становится нежней.
И с каждым днём, тоскую,
Люблю её сильней.

Прощай, моя Татьяна,
Прощай, моя лиса.
Прощай недостаток, деньги
И синие глаза.

ОСТРОВ СВОБОДЫ

Много женщин на свете я видел,
Но кубинки прекраснее всех,
Вспоминаю чудесную Бески,
Совершив с нею маленький грех.
Её губы алели, как маки,
Её зубы белели, как снег,
Её чёрные очи сияли
И любовь источали для всех.

Было стройное тело упруго,
Кожа жёлтая дивно нежна,
И чернели ресницы чудесно,
И приветливы были слова.

Ты звала меня с нежностью «Мисча»,
Обещая восторги любви.
Твои гладкие сильные бедра
Восхитительны были в ночи.

Пели песню любви в Варадеро
Среди пальм мы до самой зари,
Шелестели утрюмые волны
И шипели с укором они.

Нагишом забегали мы в море,
Оставляя следы на песке,

И дурачась, плескались на волнах,
И стояли, обнявшись, в воде.

До сих пор вспоминаю с тоскою
Я упругие груди твои,
Вкус солёного свежего моря,
Те пьянящие ночи любви.

Я мечтал с ней остаться навечно,
Поклоняться Фиделю и Че,
Зарабатывать скромные песо,
Но с сигарой лежать на песке.

Но пришла расставанья минута,
Лайнер взмыл, оставляя во мне
Запах нежного женского тела
И любовные муки в душе.

Кудри чёрные сняты порою,
Манит гибкое тело к себе...
Как живёшь ты, любимая Бески,
На свободной кубинской земле?

ВОЛЖАНКА В МАДРИДЕ

Елене

Статная, высокая, красивая...
Нежностью наполнены глаза.
Ты шагаешь по бульвару Прадо –
Всей Самары гордость и краса.

Твои ножки стройные прелестны,
Каблучки, как музыка, стучат,
И льняные волосы чудесны,
И серёжки золотом горят.

И испанцы взглядом провожают,
Восхищённо смотрят тебе вслед,
И в восторге кто-то восклицает,
Что в Мадриде таких женщин нет!

Ты в музее Прадо удивлённо
Маху обнажённую узришь.
Что нашёл в ней Гойя? Непонятно.
Ты прекрасным телом всех затмишь.

Гойя не бывал в твоей Самаре
И красавиц волжских не видал.
Бог на берегах реки великой
Вас, прелестниц, для любви создал.

Но не только красотой сияешь –
Ты добра, отзывчива, мила.
И умом блистательным пленяешь,
И душа, как солнца луч, светла.

Что неотразима – это знаешь,
Для мужчин желанна ты всегда.
По Мадриду с гордостью шагаешь,
Волжская красавица – звезда.

ОЛИМПИЙСКОЕ СЧАСТЬЕ

Вику Уайлду и Алёне Заварзиной

Вик в Америке жил одиноко,
По Бродвею с улыбкой гулял,
Сноубордом, шутя, занимался,
О любви неземной не мечтал.

Но увидел глаза сибирячки,
Чемпионки из красной страны.
И забилося сердечко от счастья –
Не встречал он такой красоты!

В море синее глаз этих нежных
Он всю душу свою утопил.
Губы алые жарко пылали,
Устоять им уж не было сил.

Поженились они, и в Россию
Вик приехал с богатой страны.
Занимались упорно и много
И любовью, и спортом они.

И звезда олимпийская в Сочи
Над обоими в небе зажглась,
Три медали они получили
На двоих в испытания час.

Вольный ветер шумел над горами,
Реял флаг его новой страны,
И под звуки великого гимна
Целовались они от души.

■ ЗЕМЛЯ

Наталья ГУМЕРОВА
г. Пермь

ЗАЧЕМ?..

Всё начинается с истока:
И полноводная река,
И бесконечная дорога,
И грозные облака...

Через столетия из осины
Дремучий разрастётся лес.
Эскиз предшествует картине,
Молитва – помощи небес.

От ветра – буря разразится,
Из дружбы – вырастет любовь.
Душа, отжив, подобно птице
Вдруг воспарит до облаков...

И там, в святых объятьях Бога,
Поймёт, о прошлом не скорбя,
Что жизнь с рождения до срока
Проходит в поисках себя...

ПОЛОСАТАЯ ЖИЗНЬ

Ах, какая же штука сложная –
Жизнь... Порой невозможная,
Многогранная, разноразная,
То голодная, то застольная,
То серьёзная, то беспечная,
То сердитая, то сердечная,
Полосатая – чёрно-белая,
То бесстрашная, то несмелая,
То невзрачная, то красавица,
То молоденькая, то состарится...

Век живи, познавая важное –
Жизни счастье многоэтажное.

СОЛНЦЕ

На фотографии, на фоне
Закатной розовой реки,
Держу я солнце на ладони,
И свет струится из руки...

И если очень приглядеться,
В том свете можно угадать
Большое огненное сердце,
В чьей воле жечь и сострадать...

В его закатах и рассветах –
И возрождение, и смерть.
Не в том ли миссия поэта –
В стихах восстать и умереть?

Подобно глупому Икару,
Погибнуть к Солнцу на пути.
Но не пропасть в огне пожара,
А в строчках – вечность обрести...

«ДА» И «НЕТ»

Как многогранно слово «НЕТ»:
В хрустальной вазе НЕТ конфет,
НЕТ под окошком фонаря,
На стенке НЕТ календаря.
НЕТ, не пойду я на концерт,
На сером небе солнца НЕТ,
А мой малыш ответит «НЕТ»,
Пред тем как скушать виноградет.
И для влюблённых слово «НЕТ» –
Увы, безрадостный ответ.
Три эти буквы невзначай
Приносят горе и печаль.

Зато как сладко слово «ДА»:
ДА, есть горячая вода!
ДА, милый, я пойду в кино,

Я не бывала там давно.
Скажу ребёнку: «ДА, дружок,
Возьми с тарелки пирожок».
И чтобы рядом быть всегда,
Кому-то кто-то скажет «ДА».

Два эти слова – «ДА» и «НЕТ» –
Мы каждый день твердим в ответ.
Но, чем бездумно отвечать,
Быть может, стоит промолчать?..

ИМЕНА

На полотне моей души имён не честь,
Среди них родные и чужие есть...

Они порой стучатся, как в бреду
(Чтоб помнила и радость, и беду,
И счастья дни, и горечь от утрат...),
Неспешно собираясь на парад...
И с флагами – идут, идут, идут,
Нарушив сон, спокойствие, уют,
Бросая крик, кидая письмена,
Родные и чужие имена...

Я с ними говорю – по одному,
И отправляю медленно – во тьму,
В немую память, в сумерки тиши –
Обратно, на пристанище души...
Чтоб снова жить, надеяться, дышать,
Любить, творить, ошибки совершать...

Но каждый день, с рассвета до темна,
Мне новые приходят имена...

Я снова на распутии дорог...
Куда идти? Ни дома, ни вокзала...
И где бы взять мифический клубок,
Чтоб нить его дорогу указала?

Дорогу до непознанной судьбы,
До истинности тайного значенья,
Чтоб без извечных «абы» да «кабы»
Вкусить и сладость, и соль предназначенья...

Было или не было –
Вам какая разница?
Сплетни – ветви дерева –
Надо мной склоняются.

Вьюн – сорняк непрошенный
Близ меня колышется.
Что ж вам моё прошлое
Долгим эхом слышится?

Хватит мять мне косточки,
Слухи вить нечистые.
Пусть летят под горочку,
Не ломаюсь – выстою.

Вам – недобрым недругам –
Зла не пожелаю я.
Было или не было,
А давно растаяло...

ЗАЧЕМ?..

И зачем я так влюбчива,
Так наивно доверчива?..
Героиней у Тютчева
Становлюсь опрометчиво...
В глубину сладострастия
Захожу необдуманно.
А любовь – не причастие,
В искушенье задумана...
В испытанье – женатому,
Вдох – для общества душевного...
Но даётся не каждому,
Обойдёт равнодушного...
И зачем я так влюбчива,
Так наивно доверчива?..
Знаю, с времени Тютчева
Так же чувство изменчиво...
Так же тонем в неверности
И от страсти теряемся...
То страдаем от ревности,
То в любви забываемся.

Алексей ДУБРОВИН
Союз писателей России,
г. Пермь

«НЕ СТАРЕЮТ ДУШОЙ ВЕТЕРАНЫ»

Память войны, память сердца. В известной песне «Песнь о солдате» есть такие слова: «Пролетели года, отгремели бои. Отболели, отмаялись раны твои...» Хорошие слова, но разве признается фронтовик, что раны не отболели, не отмаялись. И годы берут своё... Как чувствует себя солдат далёкой для нас войны, но близкой для него?

Боевой офицер-пограничник, полковник запаса Кадочников Валерий Павлович хорошо известен в Прикамье своей общественной работой. Узнав, что Валерию Павловичу занедужилось, мы с председателем совета ветеранов пограничников Пермского края Кудриным Виктором Николаевичем отправились навестить фронтовика. Поехали в город Верещагино, что расположен в ста километрах от Перми. Дорога обычно располагает к общению. Разговорились в вагоне электропоезда и мы.

ПУТЬ-ДОРОГА

Вспоминали с Виктором Николаевичем службу на границе, благо, служили, пусть и в разные годы, но в одном Пржевальском погранотряде. Зашла речь о выездах на усиление наших подразделений на сложные участки границы, о командировках. Тут и выяснилось, что, выполняя приказы руководства, подполковник В. Н. Кудрин в «горячие восьмидесятые» годы неоднократно направлялся в Афганистан.

Неспешно повёл он рассказ:

– Случалось всякое. В ходе одной из командировок выводил в афганских горах солдат из окружения. Бое столкновения с душманами удалось избежать, но подстерегало нас худшее. Путь к своим преградил заминированный участок. Слева нависли отвесные скалы, справа – ещё того круче. Как выбраться? Обратного нельзя. Разведка группы доложила: «По пятам идут крупные силы «духов». Оставался один путь – вперёд. Собираясь шагнуть на опасный галечник, рассчитывал на своё чутьё, знания, специальные навыки. Уверенность во мне была – пройду. Но если что... Молодёжь следовало уберечь. Пошёл первым. Пот стекал с головы ручьями, застила глаза. Рукавом лицо вытру и снова шагаю, вглядываясь в коварную поверхность. Давнее увлечение альпинизмом привило навыки «чтения местности». Про себя шептал: «Нет, так камешек лежать не может. Значит, сдвинут чьей-то рукой». Переступаю его, а бойцы за мной след в след двигаются. Так и одолевали мы этот заминированный участок. Когда увидел на пути предупреждающую табличку с надписью, понял: вышли, жить будем. Гимнастёрку мою можно было не выжимать. Застыла от проступившей через пот соли.

Не удержался я, перебил подполковника Кудрина:

– Начальники ваши, наверно, до христа в плечах обнимали. Благодарили?

Виктор Николаевич грустно улыбнулся:

– Нет, не было никаких объятий. Едва не получил взыскание за «неоправданный риск» при выводе группы в расположение своих.

– Наградами, выходит, вас не осыпали, – заметил я.

– Людей сохранил – вот моя главная награда. Солдаты крепко уважать начали после того «рейда», – ответил Виктор Николаевич. – Посыпались просьбы научить азам альпинизма, «горной подготовке». Учил. По итогам командировок в ДРА был представлен к медали «За боевые заслуги», но наградили «нашей» пограничной «За отличие в охране государственной границы СССР», которой очень дорожу.

– Вы – удивительный человек, – убеждённо произнёс я. – Настоящий герой.

– Не считаю службу какой-то геройской. Не за медали служил, – рассмеялся ветеран. – Помнишь, как Тёркин про ордена говорил? Много интересного случилось в судьбе. Служил при нашем посольстве в США несколько лет. Тоже всё было непросто. Но скоро встретимся с полковником Кадочниковым, и ты увидишь настоящую легенду, – улыбнулся председатель ветеранской организации.

Удивились за разговором быстротечности времени – самому молодому ветерану Великой Отечественной войны сегодня уже под девяносто лет. И полковник Кадочников – не исключение, в октябре ему исполнится 89.

ВСТРЕЧА С ФРОНТОВИКОМ

Вот и Верещагино.

С крепких объятий началась наша встреча с полковником в отставке погранслужбы ФСБ России Кадочниковым Валерием Павловичем.

– Валерий Павлович, примите сердечные приветия от пермских пограничников и от ветеранов органов государственной безопасности! Доброго здоровья вам, чтобы с радостью в душе встретить приближающийся девяностолетний юбилей!

– Сердечно благодарю! – ответил нам фронтовик. – Очень ждал вашего приезда.

Улеглись эмоции, и под чашку чая задал я Валерию Павловичу свой первый вопрос:

– С чего началась для вас война?

– Со скорбных вестей с фронта. Не обошла такая весть и нас. Моего отца, Кадочникова Павла, проживавшего в деревне под Карагаем Пермской области, призвали на войну в 1942 году. Он погиб практически сразу. Ни одной весточки с фронта мы не получили.

Молчим. Святое – вспомнить погибших и помолчать.

После небольшой паузы задал очередной вопрос:

– Знаю по публикациям разных лет, что вас призвали на службу в 1944 году семнадцатилетним паренком. Как вы оказались в армии, и чем запомнился День Победы?

– Родился я 27 октября 1927 года. Получил образование на базе семи классов. После окончания школы работал в колхозе. 25 октября 1944 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «О призыве на военную службу призывников 1927 года рождения». Только отметил день рождения, как 28 октября призвали в регулярную армию. Служить начал в части МВД, занимавшейся борьбой с бандитизмом. Часть была расположена в Прибалтике. Пришлось и нам повоевать. Сложное время, непростая обстановка. Видел смерть рядом не раз. 9 мая мы узнали о капитуляции Германии и просто все выскочили на улицу из казарм. Дружно подняли в небо личное оружие и начали стрелять. Хаотично. Патронов не жалели. Офицеры поняли, что надо как-то организованно салютовать. Начали мы стрелять по команде залпами. Красиво, душевно!

Лицо ветерана говорит само за себя – помолодел, глаза засияли. А мне не терпится узнать, при каких обстоятельствах солдат внутренних войск сменил свою фуражку на зелёную. Спросил:

– Как судьба привела вас в пограничные войска?

– Отслужил я в МВД в общей сложности шесть лет. В том числе и в Петергофе служил, под Ленинградом, в суворовском училище. Мать с Урала написала: «Валера, тяжко здесь жить. Служи, не возвращайся пока». Предложили мне поступить в Саратовское училище МВД. Я не возражал, но сомнения, конечно, были. Образование маловато. Рискнул. Приняли. По окончании училища в 1953 году был распределён в 105-й погранполк в Германию. Вот так и начал носить зелёную фуражку.

Внимательно всматриваясь в глаза полковника-пограничника. Знаю не понаслышке, что такое граница. Солдатскую ляжку я тянул в горах Тянь-Шаня в конце семидесятых. Но и служил-то всего ничего – два года. А Валерий Павлович посвятил границе всю жизнь. Десятилетиями оставался на острие противостояния государства.

– Валерий Павлович, где пришлось служить после Германии?

– В 1963 году перевели меня в Брестский погранотряд на отдельный контрольно-пропускной пункт. Много лет отдано службе в Белоруссии. Бывал в гостях на именной заставе имени Алексея Новикова, пермяка. Всякое по службе случалось. Сам знаешь, у пограничников спокойной службы не бывает. В 1973 году начал

Подполковник в отставке, руководитель объединения «Юные друзья пограничников» В. Н. Кудрин с воспитанниками (фото с сайта www.maik-raduga.ru/pogran.php)

Полковник В. П. Кадочников (фото с сайта www.raionka.perm.ru/zarya/?page=news&id=2989)

службу в Краснознамённом восточном пограничном округе. Только вникнешь в обстановку, как переводят на новое место службы. Так и менялись: Алма-Ата, Ош, Фрунзе (ныне – Бишкек), командировки в ДРА. Все задачи выполнял успешно. Не скрою, бывало так тяжело, что рука тянулась писать рапорт на увольнение. Имел право выйти на пенсию по выслуге лет, фронтовик, но старшие командиры не раз уговаривали остаться.

Не звучало бравады в воспоминаниях человека. Рассказывал, вздыхая, как приходилось постоянно срываться в заграничные командировки, когда жене толком ничего не объяснишь. Награды на военном кителе полковника – свидетельство отваги и доблести.

– Валерий Павлович, когда вы со службой расстались?

– В 1982 году вышел на пенсию с должности старшего инструктора политотдела округа. Работал и жил поначалу в Бишкеке. В начале девяностых переехал с семьёй на жительство в Пермскую область. Спасибо Президенту! Не обижает ветеранов вниманием, заботой. Меня часто приглашают выступить в школах, на городских митингах, среди молодёжи, на встречах ветеранов. Не отказываюсь, хотя годы здоровья не прибавляют. Держусь.

– Держитесь, дорогой Валерий Павлович!

Беседа наша затянулась. Но пришло время прощаться. Из Верещагино мы с Виктором Николаевичем Кудриным уезжали в Пермь в приподнятом настроении: всё намеченное удалось.

Для меня поездка эта особенно дорога. Состоялась встреча с легендарным ветераном-пограничником Валерием Павловичем Кадочниковым, услышал я интереснейшие воспоминания ветерана погранслужбы Виктора Николаевича Кудрина. Оба – пример верности Присяге, преданности военной службе, зелёной фуражке. Они и сегодня ходят рядом с нами, трудятся по мере сил, держа планку ответственности за настоящее и будущее. Оба молоды душой. На них остаётся равняться. И помнить, какой высочайшей ценой была завоевана свобода и независимость нашей Родины.

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» № 2 (20), 2016 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Пермская краевая общественная организация Союза писателей России Газета «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Пермскому краю. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 59-0576 от 26.08.2011. Главный редактор — В. В. Якушев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. Богомолов — отдел прозы
В. Ф. Глазьев — отдел публицистики
А. Г. Гребнев — отдел поэзии
А. С. Зеленин — отдел детской литературы
Ответственный секретарь — А. С. Зеленин

АДРЕС РЕДАКЦИИ / ИЗДАТЕЛЯ:

614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30, Дом писателя.
Телефоны: 8 (342) 212 14 97, 212 43 28.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Все материалы принимаются в электронном виде.

Подписано в печать 04.04.2016. По графику: 16.00.

Фактически: 16.00.

Газета отпечатана в ООО «Кунгурская типография»:

Пермский край, 617475, г. Кунгур, ул. Кривулинская, 7.

Заказ № 1682. Тираж 1000 экз.

Газета распространяется бесплатно.